

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Материалы научной конференции,
посвященной 20-летию юбилею
Удмуртского государственного университета

Ижевск, 23 октября 1992 г.

ИЖЕВСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО УДМУРТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1993

ББК 63.3(2)
А 43

Редакционная коллегия: А. А. Александров, Р. Д. Голдина,
А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев, Л. Д. Макаров,
О. М. Мельникова, Б. Г. Плющевский,
В. В. Пузанов (отв. редактор), М. Ф. Флоринский.

А43 Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф., посвящ. 20-летию юбилею УдГУ, 23 окт. 1992 г., Ижевск. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993.

Сборник материалов научной конференции, проведенной в 1992 г. на историческом факультете Удмуртского университета, затрагивает широкий спектр проблем дореволюционной отечественной истории. Рассчитан на историков и всех, интересующихся историей России.

ISBN 5-7029-0103-7

А 0301140200=003
М 85(03)-94 Без объявл.

© Издательство Удмуртского
университета, 1993.

12. Лавров Н. Ф. Религия и церковь//История культуры Древней Руси. М.: Л., 1951. Т. 2.
13. Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь., М., 1987.
14. Макарий. История русской церкви. СПб., 1857.
15. Насонов А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII в. М., 1969.
16. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
17. Прицелков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.
18. Прицелков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.
19. Соколов Пл. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913.
20. Руднев Н. Рассуждение о ересь и расколах, бывших в русской церкви со времени Владимира Великого до Иоанна Грозного. М., 1838.
21. Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья// Вопросы истории. 1974. № 1.
22. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 3, кн. 2.
23. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
24. Фроянов И. Я. Об историческом значении «крещения Руси»//Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1987.
25. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
26. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986.
27. Шапов Я. Н. Церковь и становление древнерусской государственности//Вопросы истории. 1969. № 11.
28. Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972.

Ч. Д. Макаров

Владимирский университет

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ В XIII—XV ВВ. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Одной из наиболее важных проблем в истории Вятской земли является вопрос о форме ее государственного устройства. Ответ на него во многом проистекает из степени доверия к «Повести о стране Вятской». Историки, верившие сведениям «Повести», относили Вятскую землю к одной из вечевых республик. Однако ни один из них не попытался как-то реконструировать управленческие структуры Вятки. Единственным исключением явился — «достопочтенный протоиерей», оставивший «Историю Вятки» (начало XIX в.), где рассматривает систему управления и социальную структуру Вятской земли по новгородскому образцу [8, с. 192—193; 9, с. 62—63].

После возникшего к «Повести» недоверия был отвергнут и вывод о вечевом устройстве Вятской земли. Побеждает вер-

сия о возникновении государственности на Вятке лишь с появлением в 1374 г. новгородских ушкуйников и о потере ею суверенитета в пользу тех или иных русских княжеств. И тем не менее некоторые представители этой точки зрения не могли игнорировать очевидные факты, признавая похожесть устройства Вятки и других северных областей Руси, особенно Новгорода и Устюга [37, с. 167]. Другие считали рассказы о самовластии вятчан не более, чем домыслом составителя «Повести» [9, с. 62]. Третьи указывали на формальный характер подчиненности Вятки русским князьям и отмечали специфичность ее самоуправления по сравнению с Новгородом [5, с. 3; 19, с. 71—72; 26, с. 48—50; 15, с. 18—19]. Существует и мнение о политико-административной разобщенности «городов, слобод и волостей» вплоть до XVI в. [16, с. 66—69], что серьезно противоречит источникам.

Существенный вклад в разработку проблем устройства Вятки вносит в настоящее время В. В. Низов, который приводит не только сведения «Повести о стране Вятской», но и других источников, в частности «Архангелогородского летописца» [24, с. 19]. Возникновение Вятской земли он вначале (1989) относит к концу XII — началу XIII в. [21; 24, с. 20], а затем (1991), вследствие недоверия к археологическим датировкам, ко времени не позднее 1402 г. [25, с. 5]. Автор считает, что зависимость Вятки от русских княжеств, установившаяся после 1409 г., практически не выходила за рамки верховного сюзеренитета последних, и Вятская земля сохраняла целостность и политическую самостоятельность вплоть до 1489 г. [23; 22].

Появление на Вятке славянского населения падает на конец XII — начало XIII в. Здесь выявлены три группы древнерусских памятников: никулицынская, котельничская и пижемская, которые можно соотнести с древними волостями. Центрами двух из них являлись достаточно крупные городища, постепенно превращавшиеся в городские поселения, — Никулицын и Котельнич, известные и по «Повести о стране Вятской» (Котельнич мог располагаться первоначально на Ковровском городище в устье р. Моломы, поскольку именно здесь найдены актывые печати и печать-матрица). Центром третьей волости, выделенной исключительно по археологическим материалам, могло быть Пижемское городище близ устья р. Пижмы, где найдены и древнерусские вещи [14, с. 270—276, 286—295]. Не исключено, что именно это городище было летописным Кокшаровым, подтверждением чего являются примыкающие к Пижме гидронимы Кокшага, Кокша, Какша [20, с. 142—144].

Монголо-татарское нашествие подорвало мощь Владимиро-Суздальского княжества и Новгородской земли, затормозило их проникновение на европейский Северо-Восток, что способствовало дальнейшему обособлению бассейна Средней Вятки. По сведениям венгерского монаха Юлиана [2, с. 85—86] и итальянца Тьеполо [3, с. 328—334], Вятский край также подвергся опустошению. По всей видимости, именно внешняя опасность вынудила представителей двух самостоятельных волостей — Никулицына и Котельнича (пичемская группа к этому времени, по-видимому, лишилась самостоятельности и волилась в состав Котельничской округи) — начать переговоры об объединении и строительстве общей столицы [27, с. 33, 35]. Объединение отдельных волостей в единую Вятскую землю потребовало новой организации управления. К сожалению, скудность источников не позволяет быть уверенным в представленной ниже реконструкции государственного устройства Вятской земли. В «Повести о стране Вятской» говорится: «И тако Новгородцы начана обще жителствовати самовластвующе правыми и обладаемн своимн жители и нравы свои отеческия и законы и обычан Новгородския имяху на лета многа до обладания великих князей Росонийских и прозвашася Вятчане реки ради Вятки...» [27, с. 35]. Государственный строй, описанный «Повестью», во многом идентичен новгородскому, иначе говоря, Вятка представляла собой не что иное, как феодальную республику. Вечевое устройство Вятской земли подтверждается и независимым от «Повести» источником — «Архангелогородским летописцем», который под 1489 г. упоминает «всю землю Вятскую» в качестве общевятского вечевого собрания [4, с. 96—97; 22; 24].

Административно-территориальная структура Вятской республики со временем усложняется. Так, приблизительно в XIV в. формируется волость г. Орлова, во второй половине XV в. — г. Слободского. По-видимому, во второй половине XIV в. складываются союзнические отношения Вятки с Арским княжеством — полиэтничным образованием в низовьях Камы и Вятки. Часть арской знати, пользуясь покровительством вятчан, осела на слабозаселенной территории между нижним течением Чепцы и Вяткой, где и возникает особая территория с центром в Карино. Таким образом, Вятская земля к моменту присоединения к Московскому государству была своеобразной федерацией волостей с этнически смешанным населением [20, с. 146—148].

Каких-либо письменных данных, освещающих структуру управления Вятской земли вплоть до XV в., нет. Начало самой

ранней из сохранившихся грамот митрополита Ионы звучит так: «От Ионы, митрополита Киевского и всея Руси, на Вятку и в всю Вятскую землю, воеводам земьским Якову Пугвину и Онিকেю и Юрию Алексеевым Мышкина, и всем ватаманом, и подвойским, и бояром, и купцем, и житьим людем, и всему нарицающемуся именован християнству тамошня земля...» [30, с. 31]. Главными из высших должностных лиц Вятской земли, безусловно, являлись земские воеводы, каждый из которых, как полагал еще А. А. Спицын [37, с. 167], возглавлял руководство в одном из трех городов — Вятке, Котельниче и Орлове; не исключено, что на определенный срок один из воевод становился старшим над всей Вяткой [24, с. 20]. Думается, такими же земскими воеводами были и казенные после покорения Вятки в 1489 г. Иван Апикиев (Онпикеев), Полк Богодайшиков и Пахомий Лазарев. Предположение А. А. Спицына [37, с. 167] о том, что такую должность занимали новгородский беглец Михаил Рассохин (упом. 1417—1418) и сторонник сближения с Москвой Костя Юрьев (упом. 1471, 1486), требует дополнительных аргументов. Происхождение и функции вятских земских воевод остаются не освещенными. В древнерусских землях в X—XII вв. земские воеводы возглавляли народное войско, причем в княжеской среде они не принадлежали [40, с. 209]. Безусловно, что на Вятке именно земские воеводы, может быть, наряду с ватаманами, возглавляли сформировавшиеся первоначально волости. Из-за удаленности Вятской земли от основной территории Древней Руси княжеская власть сюда не дотягивается, территория остается «ничейной». Вследствие этого институт посадничества, как республиканский орган управления, противостоящий княжеской власти, что было характерно для большинства земель Северной Руси, а с XIV в. сохранилось только в Новгороде и Пскове [1, с. 38], на Вятке не возникает. Поэтому вполне закономерно, что по крайней мере к XV в. земские воеводы сосредотачивают в своих руках высшую исполнительную власть над всей территорией Вятской земли. Они избирались на вече из числа местных бояр.

На более низкой ступени административной пирамиды располагались ватаманы, функции которых на Вятке нашли в литературе неоднозначное толкование. Так, А. С. Верещагин [10, с. 395], П. Н. Луппов [19, с. 71] и, кажется, Ю. А. Кизилев [16, с. 93] попросту не различали ватаманов от воевод, А. В. Эммаусский [26, с. 48] наделял их функциями руководителей «военными и гражданскими делами», А. А. Зимин [15, с. 19] — исключительно вооруженными силами, В. В. Низов [24, с. 20] — властными полномочиями над организацией промыслов

и сбором дани с подвластного нерусского населения. Да и сам смысл слова «ватаман» требует объяснения. И. И. Срезневский [38, т. 1, ч. 1, с. 231] приводит три новгородских акта XIII—XV вв. с упоминанием ватаманов, но без расшифровки слова; оставил его без объяснения и М. Фасмер [39, т. I, с. 95, 278]; в словаре Брокгауза—Ефрона слово (из польского) объясняется в значении «начальника какого-нибудь общества» [6, т. Va, с. 631]; В. И. Даль, сославшись на позднерусские говоры, объясняет его происхождение из новгородского — «старшина рыболовной артели» [12, т. 1, с. 27—28]. Анализ текста упомянутых выше двинских грамот показал, что в одном случае (конец XIII — начало XIV в.) ватаман возглавлял три ватаги, ходившие на промысел в море [11, с. 141 (№ 83); 42, с. 151—152], а в двух других (середина XV в.) — торговые караваны [11, с. 150—151 (№ 95), с. 155—156 (№ 101); 42, с. 323—324, 344]. В «Архангелогородском летописце» под 1468 г. упомянут устюжский ватаман Сава Осень, убитый в бою с казанскими татарами близ Перми Великой и бывший, судя по всему, командиром отряда устюжан [4, с. 91]. Из этих документов следует, что ватаманы были профессиональными военными, выполнявшими командные функции различного характера — от охранных и промысловых до сугубо военных. Характерно, что во всех случаях эта должность связана отнюдь не с новгородскими, а с московскими или устюжскими землями. В послании Ионы ватаманы фигурируют сразу вслед за земскими воеводами подобно тому, как в документах Новгорода за посадниками следуют тысяцкие, а в Пскове — сотские. Новгородские тысяцкие конца XII — середины XIV в. [28, с. 111—112] и псковские сотские XII—XV вв. [1, с. 34—39] отражали интересы свободного непривилегированного населения городских и сельских общин — «черных людей» и выбирались, как правило, из числа житых, противостоя, таким образом, посадникам из бояр. Механически наделять вятских ватаманов правами тысяцких или сотских, конечно, нельзя, но сам порядок перечисления должностей весьма показателен. Представляется, что наиболее близки ватаманы по своему происхождению и положению в обществе сотским, имевшим к тому же, по мнению ряда историков, первоначально статус военачальников [1, с. 37].

Функции третьей должности в административной структуре Вятской земли — двойских — среди специалистов особых различий не вызывают, охватывая преимущественно судебную сферу. Это судебный пристав или рассыльный, глашатай и исполнитель приговоров новгородского веча [12, т. 3, с. 165; 6, т. 24, с. 63; 39, т. 3, с. 296]. Историки Вятского края также

указывали на судебные [26, с. 48] либо административные [15, с. 19] или административно-судебные [24, с. 20] обязанности подвойских. Избирались они, вероятно, из купцов или житых людей.

В условиях отсутствия письменных источников, освещающих структуру управления Вятской земли в XIII—XIV вв., важнейшее значение приобретают данные археологии. В ходе раскопок на Ковровском и Шабалинском городищах были обнаружены атрибуты власти — металлические активые печати, которыми скреплялись древние документы, — круглые диски диаметром 1,5—3 см, крепившиеся к свиткам посредством шнурков. С обеих сторон печати оттискивались различные комбинации символических изображений и надписей с именем владельца или покровителя. Для их нанесения необходимы были две матрицы с зеркальными оригиналами. Серебряная с позолотой матрица найдена на Ковровском городище, она представляет собой крестообразную пластину с овальными выступами, на одной стороне которой отлито выпуклое (поэтому оно не могло использоваться как матрица) изображение архангела в рост с булавой в руке, а с другой — вырезанная по процарапанным для этого линиям зеркальная надпись «Печать Григориева». Совершенно аналогичная подвеска, но без надписи, выявлена в Новгороде в слоях XII в. [17, с. 56 (№ 70)]. Ковровская находка, судя по не очень четкой отливке изображения, относится к более позднему времени, вероятно, к концу XII — первой половине XIII в.; поскольку именно в предмонгольский период приобрели широкую популярность украшения, отлитые в имитационных литейных формах, изготовленных с помощью оттиска с готовой более ранней вещи, следствием чего и являлась нечеткость изображения на новой поделке [32, с. 270—278; 35; 36, с. 24, 182—183]. Отметим, что фигура архангела была наиболее характерна для печатей князей или тиунов (тиун — княжеский представитель, управитель, чиновник, слуга [38, т. 3, ч. 2, с. 962—963; 12, т. 4, с. 407; 39, т. 4, с. 63]), отчасти митрополитов [18; 42]. Само изображение архангела свидетельствует о сравнительно ранней дате [41, т. 2, с. 118, 216 (№ 684); 29, с. 96]. Надпись на обороте сделана явно позже, на готовую уже вещь, она гравирована по прочерченным линиям древнейшим типом письма — уставом, распространенным в русской письменности XI—XIV вв. Палеографическое сравнение отдельных букв со сводной русской азбукой [31, с. 8—21] показало весьма широкую дату — XII — начало XV в. Сузить ее позволило обращение к надписям на металлических предметах с установленными датами, при этом наиболее близкой оказалась надпись на брон-

зовой панации 1237 г. [33, табл. XXXIV]. Сама же формула надписи была популярна у княжеских тиунов рубежа XIII—XIV вв. (например, «Печать Федорова» 1304—1318 гг. [41, т. 2, № 441]) и у новгородских посадников и тысяцких XIV в. [7, рис. 1—2, 4; 2 — 1, 4, 5]. Судя по всему, данное изделие является прикладной печатью для получения воско-мастичных оттисков на документах. Такие печати имели распространение в основном в послемонгольский период, получив особенно широкое использование в XIV—XV вв. [34].

Попытка идентифицировать имя владельца печати с именами из письменных источников оказалась бесперспективной: имя «Григорий» упоминается в XI—XIII вв. лишь относительно лиц духовного звания, а в XIV—XV вв. широко распространено среди новгородцев разных сословий. Ни один Григорий по документам Вятской земли нам не известен, если не считать Гр. Перушкова, возглавившего карательный поход московских войск на Вятку в 1458 г. Что касается попытки Д. М. Захарова [13, с. 76] связать матрицу с двинским боярином Григорием Кирилловичем, которого вместе с братом Гаврилой вятский воевода Михаил Рассохин захватил якобы врасплох и сорвал с них личные печати, то это не более чем литературный прием, призванный оживить повествование. К тому же ни один новгородский документ не упоминает Вятку вообще, а в летописи она попала, как считает ряд историков, из сводов Северо-Восточной Руси. Именно с землями последней связь Вятки была более устойчивой.

Сохранность свинцовых печатей оставляет желать лучшего. На Шабалинском городище обнаружено изделие со знакомым уже изображением архангела в рост на одной стороне и неясными очертаниями (вероятно, двух святых) на обороте. Еще одна, но весьма спорная, фигура архангела имеется на согнутой пополам и сильно смятой печати с Ковровского городища. Здесь же найдена половинка печати с фрагментом двусторонней надписи (3 буквы на одной стороне, одна — на обороте), близкая по форме и размерам тиунским печатям XIV в. Отметим, что двусторонние надписи были присущи новгородским печатям XIV — начала XV в., принадлежавшим кончанским тысяцким и двинским, реже новгородским, посадникам [7, рис. 1 — 1, 5; 2 — 1, 2, 4, 6; 3].

Представленный выше анализ позволяет, на мой взгляд, отнести матрицу ко второй половине XIII — началу XIV в., а свинцовые печати в целом к XIII — XIV вв. Полное отсутствие аналогов в соседних землях свидетельствует о независимом от Новгорода и княжеств Северо-Восточной Руси их изготовлении.

Судя по всему, матрица принадлежала высшему должностному лицу Котельничской волости — земскому воеводе Григорию, не известному по другим источникам. Принадлежность свинцовых печатей не совсем ясна, хотя изображение архангела, повторяющее рисунок матрицы, говорит, кажется, в пользу одного и того же владельца. Пока не выявлены аналогичные находки в Хлынове и Орлове, но думается, это дело будущих исследований.

Остается нерешенным вопрос о соотношении вечевых республиканских традиций на Вятке и княжеских претензий на нее. Особенностью Вятской земли в сравнении с Новгородом и Псковом было физическое отсутствие здесь князей, хотя их претензии на Вятку документально фиксируются с конца XIV в., отразившись в государственных грамотах и договорах и княжеских завещаниях. Личное присутствие князя из династии Рюриковичей известно лишь однажды: в 1402 г. на Вятке оказался фактически изгнанный московским великим князем Василием I суздальско-нижегородский князь Семен Дмитриевич с семьей, вскоре здесь и скончавшийся. Не исключено, что опальный князь вынужден был воспользоваться приглашением вятчан. Во всяком случае, данный факт можно считать исключением из правил. Судя по всему, Вятка не нуждалась в княжеской власти, в отличие от Новгорода и Пскова, заинтересованных в союзе с сильными князьями вследствие сложной внешнеполитической обстановки, сложившейся на западных рубежах Руси с начала XIII в. [28, с. 119]. И тем не менее в официальных документах XV в. Вятка упорно называется владением то Суздаля, то Москвы, то Галича. Поэтому можно в какой-то мере согласиться с В. В. Низовым, который пишет, что Вятская земля «вынуждена была признать верховный сюзеренитет великого князя Василия I» затем покровительство Юрия Галицкого, в 1445—1446 гг. она была подотчетна нижегородско-суздальским князьям, а в 50-х годах вновь признала свою зависимость от Москвы [22, с. 93—96]. На деле же Вятка оставалась независимой, являясь не владением, а, скорее, союзником князей [15, с. 18—19], но союзником весьма строптивым. Москва пыталась повлиять на вятское руководство, в том числе, вероятно, и посредством посылки сюда своих наместников, однако выделение таковых из числа известных нам лиц, о чем уже написано выше, остается спорным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев Ю. Г. Псковская Судная Грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980. 244 с.
2. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XV вв. о татарах и Восточной Европе//Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 71—112.
3. Аннинский С. А. «Рассуждения о Московии» Франциско Тьеполо//Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. 305—388.
4. Архангелогородский летописец//ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 56—103.
5. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1.
6. Энциклопедический словарь: Россия/Изд. Ф. А. Брокгауз. И. А. Ефрон. Спб., 1892. Т. 5а. С. 469—940; 1898. Т. 24. С. 1—474.
7. Буров В. А. Печати при новгородском наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в.//СА. 1977. № 1. С. 104—113.
8. Верещагин А. С. Откуда почерпнуты и насколько достоверны вообще показавия «Вятского летописца» («Повести о стране Вятской»?//КВГ на 1888 год. Вятка, 1887. С. 176—198.
9. Верещагин А. С. Повесть о стране Вятской: Послесловие издателя//Тр. ВУАК 1905 г. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. 2. С. 54—97.
10. Верещагин А. С. Хлынов старше или Хлыново?//ПКВГиК на 1904 год. Вятка, 1903. Отд. 2. С. 323—401.
11. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. 408 с.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Спб.; М., 1880. Т. 1. 699 с.; 1882. Т. 3. 555 с.; 182. Т. 4. 683 с.
13. Захаров Д. М. Серебряная Вятка: Рассказы о названиях. Киров, 1990. 208 с.
14. Збруева А. В. Пижемское городище//Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 106. С. 265—297.
15. Зимин А. А. Впязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. 288 с.
16. Кизилев Ю. А. Земли и народы России в XIII—XV вв.: Учеб. пособие. М., 1984. 160 с.
17. Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В. Древний Новгород: прикладное искусство и археология. М., 1985. 168 с.
18. Лихачев Н. П. Сфрагистический альбом: Комплект фототипических таблиц и машинописный текст//Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444.
19. Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. 240 с.
20. Макаров Л. Д. Формирование территории Вятской земли в XII—XVI вв.//Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 140—154.
21. Низов В. В. Вечевая республика//Кировская правда. 1989. 12 мая С. 3.
22. Низов В. В. Вятка в борьбе за политическую самостоятельность//Вятка: Краеведческий сборник. Киров, 1991. С. 93—119.
23. Низов В. В. Вятка в политических планах Москвы в XV в.//Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 500-летию вхождения в состав Российского государства): Тез. докл. Киров, 1989. С. 20—22.
24. Низов В. В. К вопросу о социальной организации «Земли Вятской» в XIV—XV веках//Там же. С. 19—20.
25. Низов В. В. Откуда пошла Вятская земля...//Вятский край. 1991. 15 мая. С. 5—6
26. Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. 456 с.

27. Повесть о стране Вятской//Тр. ВУАК 1905 г. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. 2. С. 12—53.
28. Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976. 152 с.
29. Полубояринова М. Д. Костяная печать из Серенска//КСИА АН СССР. М., 1971. Вып. 125. С. 95—97.
30. Послание митрополита Ионы Вятским воеводам и всем жителям... (писано ок. 1452 г.)//Тр. ВУАК 1906 г. Вятка, 1906. Вып. 1—2. Отд. 3. С. 31—33.
31. Пронштейн А. П., Овчинникова В. С. Развитие графики кирилловского письма. Учеб. пособие. 2-е изд. Ростов, 1987. 112 с.
32. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. 792 с.
33. Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV веков//САИ. М., 1964. Вып. Е1—44.
34. Седова М. В., Курганова Н. М. Три случайные находки печатей XV в. в Суздале//История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 257—264.
35. Седова М. В. «Имитационные» украшения древнего Новгорода// Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 149—159.
36. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. 196 с.
37. Спицын А. А. Местное и областное управление на Вятке до XVIII в.// КВГ на 1889 год. Вятка, 1888. С. 167—206.
38. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: Репринт. изд. М., 1989. Т. 1, ч. 1. 806 с.; Т. 3, ч. 2. С. 910—1684, 1—271, 1—13.
39. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 1. 576 с.; 1987. Т. 3. 831 с.; 1987. Т. 4. 864 с.
40. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. 256 с.
41. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси: В 2 т. М., 1970.
42. Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. 384 с.

А. Ю. Дворниченко

Санкт-Петербургский университет

«СЛУЖЕБНАЯ СИСТЕМА» И ВОЕННО-СЛУЖИЛОЕ ГОСУДАРСТВО

История государства — одна из традиционных тем отечественной исторической науки. Однако в последнее время все большее внимание привлекает проблема генезиса государства, его корни, уходящие глубоко в древность. Причина такого внимания к раннему государству понятна. Долгое время исследовательская мысль в нашей стране билась в тисках жесткой формулы «там и тогда, где и когда...». В результате под пером многих специалистов в области древней и средневековой истории государство появлялось внезапно, каким-то чудом про-